

Когда в понедельник они вернулись в школу, события прошедших выходных превратились в негласную тайну. Хо Ян донимал вопросами о судьбе того пурпурновласого придурка из профучилища, но Лу Цзяо ограничился парой общих фраз, ни словом не обмолвившись о роли Жуань Юэ.

Су Хэ, судя по всему, тоже не спешил разносить по классу весть о том, что староста уже прошел через вторичное разделение. Видимо, блокатор доктора Фэна сработал безупречно: юноша выглядел как обычно, и ничто в нем не выдавало альфу.

В общении с Лу Цзяо он тоже оставался прежним — сдержанным и холодным.

Утренние часы чтения по традиции стали для Лу Цзяо персональным «VIP-временем» для спешного доделывания долгов по учебе. Хотя писал он всё так же медленно, прогресс по сравнению с прошлыми неделями был налицо. К тому же теперь под рукой всегда был Жуань Юэ, у которого можно было уточнить непонятное. Заметив это рвение, классный руководитель и учителя-предметники стали смотреть на парня куда благосклоннее.

Единственное, что омрачало его будни в эти дни, — голоса из зоны комментариев, которые он нет-нет да и слышал, проходя мимо места Су Хэ.

Как он и предполагал, эти комментарии звучали не каждый день. Видимо, если в текущем «сюжете» не происходило ничего судьбоносного, автору не имело смысла расписывать целую главу о том, как невыносимо Су Хэ было отсидеть девять уроков. В такие «пустые» дни Лу Цзяо наслаждался тишиной.

Однако утром в понедельник, едва он поравнялся с партией одноклассника, на него обрушился такой шквал голосов, что в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли круги.

«О чем только думает автор? Что это за бред?»

«?? Это что, драма ради драмы? Или я чего-то не понимаю?»

«У автора явно не всё в порядке с логикой. Я еще могу понять типаж холодного, скрытного альфы — Жуань Юэ всегда мало говорил, но заботился о Су Хэ на деле. Но на этот раз он перегнул палку! Главный герой случайно узнал о его состоянии, специально приехал в больницу, чтобы поддержать, а Жуань Юэ ведет себя так, будто перед ним злейший враг, а не тайная любовь! Разве так относятся к тем, кого любят?»

«Бедный наш Су Хэ, за что ему всё это? Чем он провинился, что Жуань Юэ на него так набросился? Требую сменить Официального □!»

«А Лу Цзяо хорош — просто стоял и смотрел на это шоу? В такой момент полагается утешать героя, пользоваться слабостью соперника! А он что? Отступил на несколько шагов назад... Автор, скажи честно, ты пишешь комедию? Я на этих строчках от забавной нелепости чуть не расхохотался!»

«Ясно, всё по классике: автор готовит почву для эпичного покаяния и "крематория". Когда там уже появится четвертый альфа? Скорее бы он пришел и утешил нашего малыша, сил нет на это смотреть!»

Лу Цзяо понятия не имел, что там планирует автор этой новеллы, но одно знал твердо: идти по намеченному сценарию он не собирается.

Что же до Жуань Юэ...

Лу Цзяо подозревал, что, несмотря на внешнее спокойствие, последние пару дней тот чувствовал себя неважно. Тот перестал увиваться за Су Хэ, но, что странно, и сам не спешил пользоваться моментом, чтобы выслужиться перед предметом своего обожания.

Возможно, после той ссоры в выходные оба были слишком горды, чтобы первыми пойти на примирение, и потому просто игнорировали друг друга.

Лу Цзяо не мог поспорить с невидимыми критиками, но их язвительные замечания заставили его задуматься. Если события в его мире дублируют текст романа, то читатели видят всё глазами Су Хэ. Соответственно, их информация ограничена лишь тем, что видит или слышит «главный герой».

Раз Су Хэ в слезах сбежал из больницы, то ни он, ни зона комментариев не знали, что Лу Цзяо остался и сопровождал Жуань Юэ до самого конца обследования.

Лу Цзяо не понимал, почему это приносит ему такое облегчение, но груз с души явно спал. Если бы комментаторы прознали, что пока Су Хэ рыдал, эти двое вполне мирно проводили время, в виртуальном пространстве случился бы настоящий взрыв.

«Черт, а ведь в этом есть какое-то извращенное удовольствие»

Тем временем на школьной стене анонимных признаний вовсю обсуждали, что треугольник второго курса окончательно распался и Поле битвы Асуров закончилось. Но когда в среду после уроков Су Хэ покинул школу с роскошным букетом цветов в руках, анонимная стена снова загудела: все гадали, кто же из поклонников решил вернуть его расположение.

Лу Цзяо мельком глянул на пост, который переслал ему Хо Ян, и лаконично ответил:

— Во всяком случае, не я.

— Значит, Жуань Юэ? — не унимался представитель по физкультуре. — Они же вроде поссорились пару дней назад? Из-за чего, не в курсе? Ты вообще собираешься дальше за Су Хэ бегать или как?

— Не знаю, не в курсе, не собираюсь, — отчеканил Лу Цзяо.

— Ладно, ладно... — друг зашел с другой стороны. — А между вами-то что стряслось?

Лу Цзяо аж подскочил:

— Между кем — нами?! Что за бред ты несешь?!

Хо Ян прислал кучу вопросительных знаков.

[Брат, ты чего так занервничал? Я просто спросил. Ты же на прошлой неделе готов был за него в огонь и в воду, а теперь — бац, и "не собираюсь". Странно это всё]

Письменный стол Лу Цзяо пребывал в редком для него состоянии творческого беспорядка. Обычно девственно чистая поверхность теперь была завалена учебными пособиями. Учебник физики и сборник задач были открыты на теме сегодняшнего урока. В книге даже виднелись редкие пометки, сделанные его рукой, но тетрадь с упражнениями оставалась пугающе белой. Домашнее задание не продвинулось ни на йоту.

Смартфон лежал прямо поверх физики, на экране светилось окно чата.

Поскольку Лу Цзяо долго не отвечал, Хо Ян, решив, что тот обиделся, прислал новое сообщение:

[Не хочешь — не говори, я не настаиваю. Кстати, что там по физике задали?]

Лу Цзяо глянул в методичку и отстучал:

[Параграф 77-78, задачи в конце]

Друг прислал «ок» и затих.

Лу Цзяо в смятении пролисал переписку вверх и снова открыл пост из ленты.

[...с цветами в руках...]

[...счастливая улыбка...]

[...похоже на признание...]

Предположения анонимного автора резали глаз. Лу Цзяо слишком легко мог представить лицо Су Хэ в тот момент. И то, как Жуань Юэ преподносит ему этот букет, а тот — смущенный и сияющий — принимает его.

Но он никак не мог вообразить выражение лица самого старосты. Оставался ли он всё таким же холодным и мрачным, будто его заставили это сделать под дулом пистолета, или же корчил из себя героя-любownika из тех третьесортных дорам, которые так любила смотреть Лу Чжао?

Лу Цзяо сам не понимал, о чем думает. По законам жанра Жуань Юэ — Официальный □, и после ссоры ему полагалось извиниться перед Су Хэ и восстановить статус-кво.

Но на душе у юноши было муторно.

Его злило, как легко Жуань Юэ «сдался» и пошел на поводу у ожиданий этой невидимой толпы из комментариев. Это было похоже на предательство со стороны боевого товарища — хотя «товарищем» Жуань Юэ считал только сам Лу Цзяо.

Он снова перечитал последние сообщения и с раздражением закрыл мессенджер.

Его пугало собственное состояние. Хо Ян спросил о Су Хэ, а он почему-то решил, что речь о Жуань Юэ. Почему все мысли в конечном итоге сводятся к нему?

Он ведь твердо решил держаться подальше от Су Хэ и всего этого безумного сюжета. По логике, ему следовало бы избегать и Жуань Юэ.

Но ведь он и не пытался с ним сблизиться! Просто... имя этого парня постоянно гремело вокруг, а его присутствие стало слишком ощутимым.

«Во всём виноват сам Жуань Юэ. Слишком уж много места он занимает»

На следующий день Лу Цзяо пришел в школу пораньше. Ему во что бы то ни стало нужно было занять позицию рядом с Су Хэ до начала уроков и послушать, что скажет зона комментариев. Раз Жуань Юэ подарил цветы, там наверняка должен быть шквал новых сообщений.

«Анонимный букет? И кто же это у нас такой таинственный?»

«Ставлю на Жуань Юэ! Я же говорила, этот ледяной принц не продержится и трех глав.

Быстро же он прибежал с повинной!»

«А я думаю, это Учитель Сун. Этот мужчина знает толк в красивых жестах, остальным до него далеко».

«Может, это тот самый загадочный четвертый альфа, которого еще не ввели в сюжет? Странно, автор почему-то подтер описание нескольких персонажей в аннотации, я точно помню, что их было больше».

«Кстати, Жуань Юэ же закончил дифференциацию. Наверняка скоро начнется самое интересное: инстинкты возьмут верх, он не сможет контролировать себя и захочет пометить Су Хэ... Это точно он!»

— Лу Цзяо, в учительскую.

Он не успел дослушать анализ комментаторов — голос Жуань Юэ возник за спиной, словно у призрака, едва Лу Цзяо поравнялся с партой Су Хэ.

Последние дни Лу Цзяо не сидел в классе на утренних часах, но, кроме Хо Яна, никто не знал, где он пропадает. Он просто оставлял рюкзак и уходил в кабинет к учителям.

Су Хэ, сидевший на своем месте, с любопытством поднял голову:

— Зачем тебе в учительскую?

В его голосе звучал неподдельный интерес, чистый и искренний. Казалось, он совершенно не замечает того напряжения, что возникло между ними тремя.

Лу Цзяо не успел и рта открыть, как Жуань Юэ резко бросил:

— Живее.

Так и не ответив Су Хэ, Лу Цзяо поплелся за старостой.

Жуань Юэ был мрачнее тучи и шагал непривычно быстро. Лу Цзяо гадал: что опять не так? Неужели он взревновал из-за того, что Лу Цзяо просто постоял рядом с Су Хэ?

Да он же даже слова не успел сказать!

И если цветы действительно подарил Жуань Юэ, но сделал это анонимно, а Су Хэ не догадался — может, в этом причина его злости?

Лу Цзяо пытался найти логичное объяснение, и тут в памяти всплыли вчерашние догадки. Любопытство так и подмывало задать вопрос, но, глядя на напряженную спину старосты, он решил, что сейчас не лучший момент для расспросов.

В этот день в классе царила атмосфера всеобщего расслабления. На уроках почти никто не слушал учителей: завтра начиналась спартакиада, а сразу за ней — каникулы. По сути, сегодня был последний полноценный учебный день.

Лу Цзяо подозревал, что в кабинете работают только Жуань Юэ и еще пара-тройка таких же помешанных на учебе отличников.

Накануне Хо Ян в последний момент закрыл все квоты на участие в соревнованиях и перед уходом строго наказал Лу Цзяо как следует выспаться, чтобы завтра показать класс.

В пятницу утром класс даже не заходил в кабинеты — все сразу отправились на стадион для построения. Лу Цзяо был избавлен от необходимости идти в учительскую за долгами.

После торжественного марша все разошлись по своим секторам. Представитель по физкультуре, вооружившись списками, носился по полю, выкликая участников. Остальные на трибунах либо тайком сидели в телефонах, либо пытались делать домашку.

У Лу Цзяо утром был только прыжок в высоту. Он без труда взял планку, заняв первое место среди вторых курсов. Вернувшись к трибунам своего класса, он огляделся: ни Су Хэ, ни Жуань Юэ нигде не было видно.

Хо Ян, как раз заполнявший какие-то бланки рядом, проворчал:

— Этот Линь Дун меня до инфаркта доведет! Сам записался на забег и забыл. Я его полчаса искал, телефон оборвал, а он, оказывается, засел в учебном корпусе и милуется там с красавицей из параллельного класса! Вот же гад, я их чуть на горячем не застукал, а он еще на меня и наорал!

Лу Цзяо встрепенулся:

— А Жуань Юэ и Су Хэ где? Ты их не видел?

Друг вскинул на него непонимающий взгляд:

— А? Что?

Лу Цзяо повторил вопрос.

Хо Ян окинул взглядом трибуны:

— У Су Хэ сегодня нет соревнований, Бог весть где он бродит. А Жуань Юэ на конкурсе чтецов в актовом зале, ты что, забыл? А что такое? Подозреваешь, что они тоже где-нибудь за углом за ручки держатся?

Лу Цзяо смерил приятеля тяжелым взглядом, но не успел ответить — из динамиков раздался знакомый голос. Спокойный, чистый, немного отстраненный тембр Жуань Юэ. Даже дешевая школьная аппаратура не могла испортить его безупречную дикцию.

«Апрельский ветер ласкает лица, лучи раннего лета едва касаются земли...»

Друг Лу Цзяо обернулся к ближайшему репродуктору:

— Это же Жуань Юэ, да?

Лу Цзяо кивнул, и на душе у него внезапно стало спокойно.

Он сел на трибуну. Вокруг царил невообразимый гвалт: крики болельщиков, свистки судей, музыка. А из динамиков то четко, то утопая в шуме, лился голос старосты, читающего торжественный текст.

Лу Цзяо сидел неподвижно, глядя в пустоту. Казалось, в этот момент его голова была абсолютно чиста от мыслей.

***

На вторую половину дня была назначена эстафета 4 по 100 метров — одно из важнейших событий спартакиады. Лу Цзяо поставили на решающий четвертый этап. Хо Ян молился на него, надеясь на чудо, хотя сам бегун понимал: если товарищи по команде сильно отстанут, он сможет разве что слегка сократить разрыв в предсмертном рывке.

Поскольку это было командное соревнование, на беговых дорожках собралась толпа. После полудня там было прохладно — здание школы отбрасывало густую тень на пластиковое покрытие. Представители всех восьми классов выстроились вдоль дорожек, и стадион буквально взорвался от шума.

Каждый класс подготовил свою уникальную форму. Сегодня никто не носил стандартную школьную одежду — трибуны пестрели всеми цветами радуги. Класс Лу Цзяо выбрал ярко-красный цвет. Сам юноша эту затею не оценил: он считал, что в таком агрессивном красном он выглядит еще смуглее, чем на самом деле.

Впрочем, два или три других класса выбрали черный или белый цвета и теперь сливались друг с другом, так что красный хотя бы издали бросался в глаза.

Позиция четвертого этапа находилась далеко от старта. Лу Цзяо уже занял свое место. Издали он видел красные пятна своей команды в толпе.

Там что-то кричали, спорили, а потом кто-то во всю глотку заорал: «Первый класс — лучшие!» Остальные тут же подхватили, и над стадионом понесся многоголосый рев.

Голос Хо Яна выделялся даже на таком расстоянии. Он истошно вопил: «Третий класс, вперед! Порвем первый!»

Остальное было не разобрать, но Лу Цзяо не сомневался: если дело дойдет до драки между классами, представитель по физкультуре будет главным зачинщиком.

Лу Цзяо оценивал соперников. Его класс шел по восьмой дорожке — самая неудобная позиция. На соседних этапах он видел знакомые лица: ребята, с которыми он играл в баскетбол, или всегдашняя школьная сборная по легкой атлетике. Каждый класс выставил своих лучших атлетов.

Парень с седьмой дорожки, стоявший чуть позади, крикнул ему:

— Лу-гэ, в этом году золото за восьмым классом, даже не надейся!

Лу Цзяо не питал иллюзий насчет победы, но и сдаваться не собирался. Он лениво бросил через плечо:

— Ну-ну. Давай, попробуй. Только не отстань от меня на три секунды, как в прошлый раз.

— Посмотрим, кто из нас сегодня будет плестись в хвосте!

Когда прозвучал сигнал «на старт», выкрики затихли. Все сосредоточенно замерли, настраиваясь на рывок.

Раздался стартовый выстрел, и первые бегуны сорвались с мест.

Коварство внешних дорожек в том, что на виражах ты кажешься лидером из-за смещения стартовых колодок, но если не набрать нужную скорость в самом начале, на выходе из поворота тебя начнут обходить один за другим. И тогда ты понимаешь, что лидерство было лишь иллюзией.

Так и случилось. На втором этапе Лу Цзяо с горечью увидел, как красная форма его одноклассника начала мелькать позади других цветов.

Крики болельщиков превратились в невнятный гул. Парень видел только дорожку и стремительно приближающегося товарища по команде.

Он даже не смотрел на текущее место в забеге — это было неважно. Он уже принял стартовую позу, готовый сорваться с места в любую секунду.

Третьи этапы пошли на передачу. Солнце нещадно палило на прямой дистанции. Ребята выкладывались на полную, стараясь выгадать хоть долю секунды для финишеров.

Первая пара передала палочку. Четвертые этапы ушли в отрыв.

Бегун из восьмого класса на соседней дорожке уже подхватил эстафету и в то же мгновение, идеально выверенным движением, пронесся мимо.

Третьим этапом в их классе была женщина-альфа. Ее волосы были стянуты в тугий хвост, по вискам катился пот. Она бежала, стиснув зубы так, что желваки так и ходили под кожей. Она не видела ничего вокруг.

На финише толпа сошла с ума. «Третий класс! Третий класс — чемпионы!» — орал Хо Ян, и его голос тонул в общем реве.

Мгновение — и рука Лу Цзяо коснулась эстафетной палочки. Юноша мертвой хваткой вцепился в нее и рванулся вперед. Все звуки исчезли в свисте ветра. Мир перестал существовать.

Он слышал только бешеный стук собственного сердца. Он чувствовал каждое движение своих мышц, чувствовал, как пластиковое покрытие дорожки отталкивает его ступни, придавая ускорение.

На вираже ему пришлось описывать самую длинную дугу, и кто-то уже успел обойти его.

Но это не имело значения. Это его не касалось.

Нужно было только быстрее. Еще быстрее. Превзойти себя. Еще рывок!

— Ого!

— Четвертый этап восьмой дорожки прибавил! Он ускоряется на повороте! Он обходит

седьмую! Шестую! Невероятная скорость! Неужели он выдержит такой темп до конца?!

— Третий класс! Порви всех!

Ожидание на этапе казалось вечностью, но сам бег занял считанные секунды. Парень не знал, скольких соперников он оставил позади. Он не мог позволить себе даже мимолетного взгляда в сторону. Перед глазами была только финишная черта, которая приближалась... приближалась...

В тот момент, когда он пересек линию, до него долетел первый свисток судьи.

По инерции он пробежал еще несколько шагов и только потом, тяжело дыша, замедлился.

Он не успел даже обернуться, как на него с разбегу налетел кто-то из своих: «Мы победили! Мы сделали это!» — и тут же их окружила ликующая толпа одноклассников.

Лу Цзяо обливался потом. Он увернулся от слишком бурных объятий и выхватил из рук друга бутылку ледяной воды.

Не только Хо Ян, но и другие ребята окружили его: кто-то протягивал полотенце, кто-то обмахивал веером. Несколько девушек и омег смущенно подошли с предложением воды, но Лу Цзяо лишь покачал своей бутылкой, вежливо отказываясь.

Одноклассники наперебой обсуждали забег:

— На первом этапе я думал — всё, хана нам! Кто же знал, что мы так вырвемся! А эти из восьмого... как они орали вначале, а теперь — тише воды, ниже травы!

Даже незнакомые девчонки из других классов подходили заговорить или перешептывались в сторонке, поглядывая на него. Лу Цзяо невольно услышал:

— Видела Лу Цзяо? Он просто бог! Смотри, он даже пот вытирает так круто, я сейчас умру!

Юноша замер с полотенцем в руках, чувствуя, как движения становятся деревянными.

Друг заговорщицки толкнул его локтем:

— Видал? Сколько народу по тебе сохнет! Вон та красавица из восьмого... да она в сто раз круче Су Хэ. Неужто никто не приглянулся?

Лу Цзяо на мгновение замер и огляделся.

Девчонки, заметив его взгляд, тут же со смехом убежали. Вокруг было шумно и пестро от разноцветной формы.

— Все наши были на эстафете? — спросил он.

Хо Ян покачал головой:

— Да где там... Кто-то так и остался на трибунах за учебниками, кто-то в туалет ушел, кто-то просто бродит.

Красная форма была видна издалека. Юноша еще раз обвел взглядом толпу. Тех, кого он искал, там не было.

Стояла невыносимая жара. В душе у Лу Цзяо росло непонятное раздражение, которое, казалось, испаряло всю радость от недавней победы.

— Хм, странно, — друг тоже огляделся. — А где наш староста? Он же только что тут был.

Лу Цзяо язвительно бросил:

— Наверняка забился куда-нибудь с Су Хэ и воркует.

Он тут жилы рвет за честь класса, а их «доблестный староста» в это время крутит амуры! И его триумфальный финиш... он его даже не видел!

Лу Цзяо сам не понимал, почему его это так бесит.

«"Верно" он говорит, как же...»

Больше соревнований у него на сегодня не было. Лу Цзяо вытер лоб и бросил:

— Пойду переоденусь. Жара невыносимая.

Он убеждал себя, что во всём виновато солнце — именно от перегрева у него так беспокойно на сердце.

***

Раздевалки находились за баскетбольными площадками, рядом с инвентарной. Там же были и душевые, которыми обычно пользовались после уроков плавания. Лу Цзяо чувствовал, что ему

просто необходимо умыться ледяной водой и прийти в себя.

Даже здесь был слышен приглушенный голос диктора из динамиков, объявляющий результаты очередных зачетов.

В этой части школы было безлюдно. Путь пролегал через открытую баскетбольную площадку под палящим солнцем, так что даже парочки не рисковали сюда забредать.

Когда он переступил порог, из репродуктора донеслось:

[Внимание, результаты эстафеты 4 по 100 метров. Группа вторых курсов...]

Лу Цзяо хмыкнул, подумав о чем-то своем.

Наверняка Жуань Юэ и Су Хэ сейчас прячутся в каком-нибудь укромном уголке. Может, в учебном корпусе, а может, в беседке у озера. Школа огромная, а все сейчас на стадионе, включая даже строгого завуча...

Впрочем, завучу как раз сейчас и следовало бы ловить нарушителей дисциплины! Уж на «зеленой аллее» он точно накрыл бы пару-тройку влюбленных голубков.

Лу Цзяо с каким-то мстительным удовольствием представил, как в первый день после праздников на доске объявлений появится приказ о выговоре Жуань Юэ.

Раздевалка была разбита на несколько секций. Для омег была выделена отдельная зона, альфы и беты переодевались в общем крыле, разделенном лишь по половому признаку.

Лу Цзяо привычно свернул в левый коридор, сполоснул лицо у раковины и прошел вглубь.

Дверь первой раздевалки была плотно закрыта, остальные стояли нараспашку. Утром он оставлял вещи именно там, поэтому, не задумываясь, нажал на ручку и толкнул дверь.

Едва образовалась щель, на него обрушилась плотная, почти осязаемая волна аромата. Густой, пьянящий запах выдержанного вина, смешанный с чем-то неуловимо сладким... Теперь Лу Цзяо знал: этот нежный оттенок дают сливки и горький миндаль. Запах был в десятки раз сильнее, чем когда-либо прежде. Он словно обрел плоть: не просто щекотал ноздри, а тяжелым шелком ложился на кожу, заставляя тело мелко вздрагивать.

— Вы... выйди!

Этот голос не имел ничего общего с тем холодным и отстраненным тоном, который он слышал

утром из динамиков. Рваный, прерывистый шепот, полный муки и какого-то странного, лихорадочного напряжения. Голос был знакомым, но интонации казались Лу Цзяо совершенно чужими.

Он замер, не выпуская дверную ручку. Ему казалось, что он стоит на пороге ящика Пандоры. Но щель уже была открыта, и любопытство, получив первую крупицу знания, требовало большего. Это было сродни жажде, которую невозможно утолить.

Он толкнул дверь до конца.

В раздевалке был только староста. Ряды запертых шкафчиков по стенам, длинная скамья посередине. Жуань Юэ сидел на ней, подтянув одну ногу и уткнувшись лицом в сгиб локтя. Можно было подумать, что он плачет, но это было не так. В тишине комнаты слышалось лишь тяжелое, мучительное дыхание человека, ведущего борьбу с самим собой.

Лу Цзяо застыл на пороге. Его взгляд невольно упал на руку парня. Широкий рукав красной формы сполз вниз, и на фоне яркой ткани и черной окантовки кожа казалась ослепительно белой. Но на локтях проступила нежная, болезненная краснота.

Лу Цзяо не мог понять: та же самая форма на нем самом казалась тусклой, а Жуань Юэ она только подчеркивала его фарфоровую бледность.

— Я же сказал: вы...

Юноша вскинул голову, в ярости глядя на незваного гостя. Его аура, пропитанная его собственным гневом и смятением, буквально кричала о том, чтобы его оставили в покое.

Но когда его влажные, полные ярости глаза встретились с лицом Лу Цзяо, он осекся.

В его взгляде мелькнул страх. Тот невольно отпрянул и судорожно прижал ладонь к задней части шеи.

Это был бессмысленный жест. Аромат феромонов в комнате был настолько густым, будто у альфы прямо сейчас начался гон. Никакая рука не могла скрыть этот запах — терпкое вино один за другим наносило удары по нервам Лу Цзяо.

— Уходи...

Голос Жуань Юэ стал тише. Силы покидали его, а дыхание становилось всё тяжелее.

Лу Цзяо вошел внутрь и с глухим стуком закрыл за собой дверь. Встретившись с ошеломленным взглядом старосты, он неловко кашлянул:

— Тебе... может, помощь нужна?

Голос Лу Цзяо звучал натянуто, но Жуань Юэ, чей разум уже начал туманиться от жара, этого не заметил.

— Нет...

Жуань Юэ было всё равно, что чувствует Лу Цзяо. Его охватило отчаяние. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Меньше всего на свете он хотел, чтобы этот человек видел его таким — слабым, беспомощным и... постыдным.

Лу Цзяо опустил взгляд и заметил на полу осколки стеклянной ампулы и использованный шприц. Он всё еще стоял, прислонившись спиной к двери.

— Ингибиторы не подействовали? — тихо спросил он.

Юноша лихорадочно затряс головой. Его голос дрожал, срываясь на плач:

— Нет... я вколол уже две дозы... Совсем не помогают...

— Ты с ума сошел?! Доктор Фэн же предупреждал о передозировке!

«Опять он за свое!»

Лу Цзяо не сомневался: если оставить Жуань Юэ одного, он точно себя погубит.

— А что мне было делать... — в голосе старосты сквозила беспомощность.

Лу Цзяо не выдержал. Он глубоко вздохнул и шагнул к нему.

Зря он это сделал. Стоило вдохнуть полной грудью, как запах вина окутал его еще плотнее. Кровь ударила в голову, а в висках застучало первобытное, неосознанное желание.

Он затаил дыхание и подошел вплотную.

Жуань Юэ был весь в поту, пряди волос прилипли ко лбу, щеки пылали лихорадочным румянцем. Его взгляд был затуманен, он почти не видел того, кто стоит перед ним. Губы его беззвучно шевелились, источая лишь горячее, рваное дыхание.

Лу Цзяо ощутил странное облегчение: парню сейчас было настолько плохо, что он точно не

заметит ничего необычного в его собственном поведении.

Видимо, это и был тот самый пик, о котором предупреждал доктор Фэн. Финальная стадия дифференциации, когда уровень феромонов зашкаливает, прежде чем стабилизироваться.

Но если лекарства бессильны, как он может ему помочь? Юноша судорожно соображал, но ответа не находил.

Он сглотнул и попытался заговорить:

— Раз ингибиторы не берут, может, есть другой способ? Тебе станет легче?

Не может же он просто сидеть и смотреть на это. Кто знает, сколько Жуань Юэ уже здесь мучается.

Тот снова спрятал лицо в локтях и покачал головой. Кажется, он и сам был в тупике.

Лу Цзяо стоял совсем рядом — их разделяло меньше метра. Тот самый манящий, будоражащий аромат был прямо перед ним. Инстинкты вопили, требуя подойти еще ближе, а вид страдающего человека — пусть даже это был Жуань Юэ — вызывал в душе глухую боль.

С другой стороны, остатки разума шептали, что впереди — пропасть, и нужно бежать прочь от этих пробуждающихся инстинктов, пока не поздно.

Он колебался, чувствуя, как температура в комнате, кажется, подскочила еще на несколько градусов. И тут Жуань Юэ медленно произнес:

— Дай мне... укусить тебя...

Лу Цзяо замер.

— Что?

Он непроизвольно отступил на шаг, глядя на него с подозрением:

— Ты меня ни с кем не перепутал? Тебе... разве тебе не нужен омега?

Всем известно — даже такому бете, как Лу Цзяо, — что обезумевшему альфе нужны мягкие, сладкие феромоны омеги, чтобы успокоиться. Эта мысль подействовала на него как ушат ледяной воды. Разум, который чуть было не сдался, мгновенно прояснился.

«Я — лишний. Обычный "статист", который по ошибке забрел не в ту сцену»

Он всего лишь бета. И в этой ситуации он абсолютно бесполезен.

Если Официальный □ страдает от переизбытка феромонов, а лекарства не помогают, то ясно как день, кто должен появиться в дверях через секунду. И это точно не Лу Цзяо. Наверняка Су Хэ «чисто случайно» решит зайти в эту раздевалку прямо сейчас.

Но Жуань Юэ вдруг вскинул на него покрасневшие глаза. Его голос дрожал от сдерживаемых слез:

— А кто еще?! Иди сюда!

В его тоне всё еще слышался приказ, но в нем уже не было прежней властности. Он задыхался, его голос срывался, и он выглядел таким несчастным и беззащитным, что Лу Цзяо почувствовал, как сердце предательски сжалось. Юноша посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. В этот миг Жуань Юэ не мог бы прочесть в его глазах ровным счетом ничего.

— Ты уверен? — глухо спросил он.

Жуань Юэ казалось, что его кожа горит огнем. Каждая секунда промедления была невыносимой пыткой.

— Да! — почти выкрикнул он.

Лу Цзяо тяжело вздохнул.

— Ладно.

Но он не сделал ни шага навстречу. Вместо этого Лу Цзяо развернулся и решительно направился к выходу из раздевалки.

Жуань Юэ замер в полнейшем недоумении.

<http://bllate.org/book/15844/1435987>